

Шастица Марина Владимировна

"КИТАЙСКИЙ АСПЕКТ" В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНЦА КАФКИ

В статье рассматривается рецепция Китая в творчестве немецкоязычного писателя - Франца Кафки (1883-1924). На материале рассказа "Как строилась Китайская стена" (1917) показаны возможности интерпретации "китайского аспекта" в творческом наследии автора. Китай предстает в виде метафоры, позволяющей выявить скрытые смыслы, в частности, абсурдность бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 195-197. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.112.2

Филологические науки

В статье рассматривается рецепция Китая в творчестве немецкоязычного писателя – Франца Кафки (1883-1924). На материале рассказа «Как строилась Китайская стена» (1917) показаны возможности интерпретации «китайского аспекта» в творческом наследии автора. Китай предстает в виде метафоры, позволяющей выявить скрытые смыслы, в частности, абсурдность бытия.

Ключевые слова и фразы: рассказ-притча; рецепция Китая; образ Китайской стены; китайский аспект; метафора; деметафоризация.

Шастина Марина Владимировна

*Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
shastina@rambler.ru*

«КИТАЙСКИЙ АСПЕКТ» В ТВОРЧЕСТВЕ ФРАНЦА КАФКИ®

Творчество немецкоязычного писателя, представителя «пражского круга», Франца Кафки (Franz Kafka, 1883-1924) в настоящее время необычайно популярно. Художник самобытного таланта, на протяжении десятилетий остававшийся в забвении, заставил заговорить о себе в полный голос лишь после Второй мировой войны. В сознание современников вошло понятие «кафкианство», под свод которого можно подвести массу оттенков абсурдности бытия, о которых Кафка пророчески заговорил в начале XX века. Его «сосредоточенность на искажении бытия», согласно точке зрения В. Беньямина, может вызвать у читателя впечатление мании, навязчивой идеи [1, с. 52].

Научная литература о Кафке касается различных аспектов его творческой мастерской. По мнению В. Д. Седелника, «все попытки “охватить” его какой-нибудь рубрикой, приписать к отряду экспрессионистов, сюрреалистов, нигилистов, абсурдистов, модернистов заканчивались ничем, философские, теологические, психологические, социологические и формально-эстетические подходы помогали осветить ту или иную ипостась творческого облика Кафки, но оставляли в стороне другие, не менее важные приметы его художественной индивидуальности» [6, с. 281]. Творчество Кафки уникально, поскольку он создал свою, сугубо индивидуальную «эстетическую систему», где объективность формы переплетается с субъективностью содержания настолько тесно, что возникающий в результате художественный мир больше похож на иллюзорность. М. Бланшо полагает, что произведения Кафки «представляют собой потрясающие примеры аллегории, символа, мистической выдумки, что неминуемо в силу характера его мысли» [2, с. 60].

Рецепция творчества Кафки в России – процесс по своей интенсивности неоднородный, в советские времена художественный мир Кафки не вписывался в идеологические рамки, чуждый социалистическому реализму он считался, не без основания, «неудобным автором». Одна из первых попыток проанализировать творчество Кафки с позиций эстетики модернизма принадлежит Д. В. Затонскому [3]. На фоне большого количества исследовательской литературы аспект, выбранный для рассмотрения в настоящей работе, а именно рецепция Китая в творчестве Кафки, можно отнести к числу малоизученных, особенно в контексте российской науки.

Австрийский писатель, лауреат Нобелевской премии Элиас Канетти (1905-1994), высоко ценивший творчество Кафки, на страницах произведения «Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице» отмечает, что «единственный истинно китайский по своему духу писатель, выросший на Западе, – это Кафка» [4, с. 183]. Что позволяет Канетти, знатоку китайской культуры, сделать подобное заключение? Канетти усматривает «китайские корни» в интересе Кафки к насекомым и вообще к мелким зверушкам, а также «умение превращаться в маленькое» [Там же, с. 181]: «Столь же живой, как у Кафки, интерес к очень маленьким животным, особенно к насекомым, можно обнаружить еще раз в обиходе и литературе китайцев» [Там же, с. 182]. Канетти поясняет, что во времена династии Тан, например, сверчков ценили за мелодичное пение и держали в маленьких клетках, позднее, в эпоху правления династии Сун их селили в домах, для них сооружали специальные домики, их кормили, готовили для сверчковых боев, особо отличившимся бойцовым сверчкам давали имена выдающихся полководцев из китайской истории и т.д. Сверчка при этом держали на уровне глаз, «в точности как рекомендует Кафка» [Там же], на них смотрели как на равных себе, души сверчков считались душами великих полководцев. По мнению Е. М. Шестиной, Канетти находит в Кафке родственную душу, он «вовлекает» Кафку в свой ценностный мир, находит массу подтверждений духовной близости, выстраивая линию: Канетти – Китай – Кафка [7, с. 204]. Фундаментальным на сегодняшний день исследованием, посвященным теме «Кафка и Китай», является монография китайского германиста В. Мэна (W. Meng) [12], из этого труда можно почерпнуть информацию о влиянии китайской культуры на мироощущение Кафки.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы привлечь внимание к небольшому по объему рассказу Кафки «Как строилась Китайская стена» („Beim Bau der Chinesischen Mauer“) [5], который был написан в марте 1917 года и впервые опубликован лишь в 1931 году в сборнике рассказов („Beim Bau“). Согласно точке зрения В. Мэна [12, S. 77] и мнению Х. Биндера [9, S. 218], Кафка опирался в процессе работы на ряд источников, напрямую связанных с культурой Китая – это китайские сказки, китайская лирика XII века и др.

Рассказ Кафки «Как строилась Китайская стена» интерпретируется исследователями по-разному. Распространена точка зрения, которой придерживается, например, Х. Наказава (H. Nakazawa), полагая, что в данном произведении, насквозь метафоричном, речь идет о сложном отношении Кафки к сионизму [11, S. 84]. В. Беньямин «предостерегает» от того, чтобы воспринимать историю возведения Великой Китайской стены в качестве аллегии, он вообще считает, что «Кафку истолковывать не надо» [1, с. 50], анализируемый рассказ призван «показать две вещи: величие данного писателя и неимоверную сложность сие величие засвидетельствовать» [Там же, с. 49]. Б. Грайнер приводит различные подходы к толкованию рассказа Кафки, сам же усматривает скрытые смыслы в многослойной метафоричности рассказа, повествующего о событиях древности, которые соединены с настоящим [10, S. 190].

На первый взгляд, наличие «китайского мотива» очевидно, поскольку уже в заглавии упоминается артефакт мировой культуры – Китайская стена. Объективная реальность о возведении стены присутствует в анализируемом рассказе, но, безусловно, рассказ не следует воспринимать как историческую зарисовку. В рассказе-притче Китай далек от того, чтобы восприниматься как реальное географическое пространство, время сооружения Великой Китайской стены также предельно условно. Кафка предлагает, лишь в общих чертах, почувствовать атмосферу событий, связанных с Китаем.

История начинается с конца – строительство завершено, рассказчик дистанцируется от событий: «Китайская стена в северной своей части закончена. Строители вели ее с юга-востока и здесь оба отрезка соединили» [5, с. 5]. Кафка, для поэтики которого характерна фрагментарность, переносит этот принцип и на композицию рассказа, состоящего из отдельных частей. Кафка включил в текст рассказа историю об императорском послании, одноименный рассказ („Eine kaiserliche Botschaft“) был опубликован позднее в качестве самостоятельного произведения, основная мысль которого заключена в утрате связи между высшей властью и подданными, между целым и составляющим это целое.

Повествование ведется от лица участника великой стройки, пожилого человека, который, описывая события сооружения стены, постепенно «уходит» в рассуждения на самые разные темы. Воссоздать хронотоп повествования помогает следующая фраза из воспоминаний безымянного рассказчика: «Мне повезло, ибо, когда я, двадцати лет от роду, выдержал завершающие экзамены начальной школы, к строительству стены только что приступили» [Там же, с. 7]. В строительстве стены участвовали наряду с неподготовленными поденщиками «образованные строители», которые «срослись со стройкой», которые «горели энтузиазмом после праздника соединения двух отрезков тысячеметровой стены», которые, переезжая с места на место, могли ощутить единство: «Единство! Все стоят плечом к плечу, ведут всеобщий хоровод, кровь, уже не замкнутая в скупую систему сосудов отдельного человека, сладостно течет через весь бесконечный Китай и все же возвращается к тебе» [Там же, с. 9]. Становится понятным, что Китай и Китайская стена лишь метафора, позволяющая автору показать размах события, но не для того, чтобы вызвать восхищение или удивление. Мысль значительно глубже, чтобы просто связать сюжет рассказа с историческим событием. Неслучайно в рассказе заходит речь о строительстве Вавилонской башни, библейская легенда «уводит» повествование в иную «реальность». Оба сооружения являются прямой противоположностью друг другу, так как, по мнению ученого, на чье мнение ссылается хронист события, башня разрушилась не потому, что это начинание было негодно Богу, а из-за слабого фундамента. Ученый утверждал, что «лишь Великая стена впервые в истории человечества явится прочным фундаментом для новой Вавилонской башни» [Там же, с. 10]. Таким образом, сооружение Великой Китайской стены, которая призвана объединить и защитить нацию, при этом укрепить императорскую власть – дело богоугодное.

Тема границы является одной из важнейших в рассказе, так как служит ключом для понимания сути: «Границы, поставленные мне моим мышлением, достаточно тесны, а область, которую пришлось бы охватить, – сама бесконечность» [Там же, с. 13]. Излюбленный прием Кафки заключен в том, что он вступает в определенную игру с собственной метафорой, которую пытается объяснить. В итоге демегафоризация приводит к тому, что мысль становится абсурдной, при этом абсурдность выступает основой реальности, которая не вписывается в какое-либо географическое пространство, даже такое необъятное, как Китай.

Априори, что Китайская стена должна служить защитой. Но от кого? Этот вопрос отнюдь нериторический. Ответ очевиден для рассказчика и всех его единомышленников – от северных народов, но никакой северный народ не может угрожать стране, об этом также хорошо известно всем, кого рассказчик объединяет личным местоимением «мы», мы – это народ, нация. Кафка и здесь необычайно современен, образ врага призван укрепить дух нации, для этой «великой» цели все средства хороши: «На правдивых картинах наших художников мы видим эти отмеченные проклятьем лица, разинутые рты, усаженные острыми зубами челюсти, прищуренные глаза, которые как будто уже высматривают воровскую добычу, и пасть, уже готовую растерзать ее и раздробить. <...> Но больше ничего мы об этих северянах не знаем. Видеть их мы не видели и, живя в своей деревне, никогда и не увидим, даже если они на своих диких конях, разъярясь, будут мчаться на нас, – настолько обширна наша страна, что она их к нам не подпустит, они просто растают в воздухе» [Там же, с. 14] (*курсив – М. Ш.*).

Стена становится своеобразным мерилем разума, поскольку от того, насколько разумна императорская власть, зависит успех дела: «Одним из самых непонятных установлений является у нас императорская власть» [Там же, с. 15], вокруг которой ходило множество слухов, «так обширна наша страна, что никакой сказке не охватить ее, едва удастся небу дотянуться от края до края, и Пекин на ней – только точка, а дворец императора – только точка. Но император как понятие, конечно, огромен, он высится сквозь все этажи Вселенной» [5, с. 17].

Рассуждения очевидца, одного из многих, подкрепляются то мнением авторитетного ученого, то преданиями, то легендами. Кафка – несомненно, автор мифологизирующий. Обращенность к мифам позволяет выходить на трансцендентный уровень, вести разговор о вечных проблемах. Послание императора на смертном одре

должно прийти до подданных, вестник, несмотря на все усилия, оказывается не в состоянии донести ее до народа: «Ты же, сидя у своего окна, воображаешь себе эту весть, когда приходит вечер» [Там же, с. 19].

Исследование рецепции китайской культуры в творчестве Франца Кафки – одного из самых загадочных писателей во всей мировой литературе – представляется перспективным, поскольку позволит коснуться еще одной грани его таланта. Рассказ-притча «Как строилась Китайская стена» лишена поучительности, Кафка, как нам кажется, пытается и в этом тексте предостеречь человечество от возможных бед. Китай у Кафки лишен реальности – это абсолютная метафора, постичь границы этой метафоры чрезвычайно сложно.

Список литературы

1. **Беньямин В.** Франц Кафка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 240 с.
2. **Бланшо М.** От Кафки к Кафке / пер. с фр. и послесловие Д. Кротовой. М.: Логос, 1998. 240 с.
3. **Затонский Д. В.** Франц Кафка и проблемы модернизма. М.: Высшая школа, 1972. 138 с.
4. **Канетти Э.** Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице / пер. с нем. и послесловие М. Рудницкого // Иностранная литература. 1993. № 7. С. 141-195.
5. **Кафка Ф.** Как строилась Китайская стена / пер. с нем. В. Станевич, Е. Маркович. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.
6. **Седельник В. Д.** Франц Кафка // История австрийской литературы XX века. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. Т. 1. Конец XIX – середина XX века. С. 280-309.
7. **Шастина Е. М.** Рецепция китайской культуры в творчестве Элиаса Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8. Ч. 2. С. 200-205.
8. **Bennig W., Petropoulou E.** Vier Achsen für die Interpretation von Franz Kafkas Fragment *Beim Bau der chinesischen Mauer* // Neuphilologus. 2012. October. Volume 96, Issue 4. P. 583-592.
9. **Binder H.** Kafka-Kommentar zu sämtlichen Erzählungen. München: Winkler Verlag, 1977. 346 S.
10. **Greiner B.** Hinübergehen in das Bild und Errichten der Grenze: Der Mythos vom chinesischen Maler bei Bloch und Benjamin und Kafkas Erzählung „Beim Bau der chinesischen Mauer“ // J. Wertheimer, Susanne Göbe (Hg.). Zeichen Lesen, Lese-Zeichen: Kultursemiotische Vergleiche von Leseweisen in Deutschland und China. Tübingen. 1999. S. 175-199.
11. **Nakazawa H.** Über *Die Chinesische Mauer* // Chinesisch-japanisches Germanistentreffen Beijing. 1990. Dokumentation der Tagungsbeiträge. International Culture Publishing Corporation, 1994. S. 77-95.
12. **Meng W.** Kafka und China. Iudicium-Verlag, 1986. 288 S.

“CHINESE ASPECT” IN THE CREATIVE WORK OF FRANZ KAFKA

Shastina Marina Vladimirovna

Elabuga Institute of Kazan Federal University

shastina@rambler.ru

The article examines the reception of China in the creative work of the German writer Franz Kafka (1883-1924). By the material of the story “The Great Wall of China” (1917) the possibilities of the interpretation of the Chinese aspect in the writer’s creative heritage are shown. China appears in the form of a metaphor, which allows revealing implicit meanings, particularly, the absurdity of objective reality.

Key words and phrases: story-parable; reception of China; the image of the Great Wall of China; Chinese aspect; metaphor; demetaphorization.

УДК 81'255.2

Филологические науки

В данной статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа отрывка из произведения Р. М. Рильке «Из жизни венецианского гетто» и его переводов на английский и русский языки раскрывается взаимосвязь поверхностно-глубинных уровней текста и их влияние на процесс и результат аналитической реструктуризации подлинника переводчиком. Делается вывод об уместности переводческих трансформаций оригинала, мотивированных исключительно речевой ситуацией.

Ключевые слова и фразы: художественный перевод; речевая ситуация; глубинные и поверхностные структуры; переводческое решение; авторский замысел.

Шерстнёва Екатерина Сергеевна, к. филол. н.

Северо-Восточный государственный университет

rector@svgu.ru

ОБЪЕКТИВАЦИЯ РОЛИ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ®

Как известно, переводчик художественного произведения стремится воссоздать в переводе семантико-стилистические параметры, коммуникативно-прагматическую направленность и сам дух оригинала. Данная